

— Что ты собираешься делать дальше, дитя? — Фан Ши глубоко вздохнула.

— Я еще не думал об этом, — уголки глаз Цюцзинмин покраснели, нос немного болел, и он провел белой рукой по своему выпуклому животу: — Может быть, я рожу его, а может быть, избавлюсь от него, я еще не знаю...

— Что бы ты ни решил, если тебе что-то нужно, то не стесняйся сказать своей семье. — Фан Ши услышала ответ Цюцзинмина и тихо сказала после небольшой паузы: — Отправляясь на другую планету, есть ли у тебя с собой деньги?

— Да, — Цюцзинмин молчал две секунды, — Мама, не волнуйся за меня, я сам о себе позабочусь.

Разговор был окончен.

Парень, сидящий на краю кровати, вдруг зашевелился и начал собирать свои вещи, только на его щеках все еще оставались бесчисленные следы от слез. Как раз в тот момент, когда он собирал вещи, коммуникатор завибрировал.

Он взял его в руки и увидел, что это сообщение о переводе.

[Федеральный банк: на счет переведено 500 000 межзвездных монет, баланс зачислен, теперь ваш баланс составляет 3 506 251]

Слезы, которые были вытерты насухо, снова вырвались наружу.

Он не лгал, когда говорил Фан Ши, что у него еще есть деньги, у него действительно были деньги, но Фан Ши все равно перевела ему 500 000 межзвездных монет, этой суммы хватило бы на два-три года для жизни обычного человека.

Деньги на его банковской карте медленно копились годами, в основном благодаря Фан Ши и Цзян Тяньцзе. Он с детства воспитывался в семье Цзян, и хотя его питание и одежда были не самыми лучшими по сравнению со сверхбогатыми семьями, это было лучшее, что могли обеспечить Фан Ши и Цзян Тяньцзе.

Семья Цзян обычно давала ему много карманных денег. Цзян Тяньцзе и Фан Ши всегда считали, что омега должен расти в достатке, иначе его легко обманут альфы, поэтому они давали ему даже больше карманных денег, чем Цзян Юаню.

Ученики в его классе любили покупать экстравагантные вещи, чтобы соревноваться друг с другом, но его это не интересовало, поэтому он не тратил большую часть денег, а копил их.

В то время он уже знал, что рано или поздно покинет семью Цзян, но он никогда не думал, что уйдет таким образом.

Экран коммуникатора, который погас, снова засветился, пришло три новых сообщения.

Цзян Тяньцзе: Я не ожидал, что ты услышишь то, что я сказал Цзян Юаню, и я не воспринял это достаточно серьезно, чтобы понять, что это засело в твоём сердце, я также несу ответственность за случившееся.

Цзян Тяньцзе: Хорошо... Не забудь написать, когда приедешь.

Цзян Тяньцзе: Береги себя!

***

Когда он получил сообщение от своего приемного сына, Цзян Тяньцзе курил с коллегами. Прочитав его, он долго колебался, прежде чем ответить.

За последние несколько дней он часто думал о том, что если бы он не сказал тех слов в самом начале, возможно, все было бы иначе.

Он хотел, чтобы его сын принял благонамеренную ложь, сказанную ради ребенка его товарища, которого он привел к ним домой, но эта ложь причинила боль обоим детям.

Он хотел забрать своего приемного сына домой, но должен был принять во внимание мысли сына. Он никогда не допускал ошибок в своей жизни, но на этот раз он действительно ошибся.

Цзян Тяньцзе повесил голову и щелкнул сигарету указательным пальцем, рассеянно отвечая своему коллеге, и потушил сигарету.

***

Цзян Юань не собирался принимать извинения Цюцзинмина.

Цюцзинмин не причинил ему никакого вреда, но вред, причиненный первоначальному владельцу, был фактом. Только потому, что первоначального владельца тела больше не было, все разрешилось так. Он не знал, насколько бы расстроился первоначальный владелец, если бы все узнал...

Единственный человек, за которого он может принимать решения, — это он сам, но он не может решать за другого человека, не может прощать чужие обиды или проявлять щедрость к

другим, и неважно, если его назовут за это злым.

— Сяо Юань, помнишь, в первый год, когда над Цзинмином издевались в классе, ты бросился туда, чтобы избить ученика, который издевался над ним? — Фан Цин посмотрела на Цзян Юаня и спросила: — Я помню, что школьный учитель попросил тебя написать самокритику и прочитать ее перед всей школой. В результате в день, когда она была зачитана перед всей школой, твоих родителей снова пригласили к директору, ты помнишь почему? Ты написал кучу извинений и добавил в конце: "Кто бы ни издевался над моим братом, в следующий раз я его снова побью!". Мы долго смеялись над этим!

Цзян Юань ничего не сказал, он просто улыбнулся и посмотрел на свою тетю Фан Цин:

— Тетя, я немного устал, я пойду в свою комнату, чтобы немного отдохнуть.

— Что с тобой? Разве ты раньше не был очень мил с этим ребенком?

Фан Цин слегка нахмурилась, она действительно не ожидала, что независимо от того, что она сказала, этот ребенок Цзян Юань ничего не скажет и не упомянет о прощении Цзинмина. Раньше Цзян Юань не был таким, он был очень добр к Цзинмину...

Лю Хуай сжал руку в кулак, кашлянул, схватил свою жену Фан Цин и сказал:

— Я вижу, что сегодня не достаточно еды, пойдем, жена, ходим и купим еще немного продуктов.

Фан Цин на мгновение замерла:

— На кухне так много овощей! Что еще нужно купить! Ты с ума сошел?

— Разве здесь есть цветная капуста, которую ты любишь есть? Давай пойдем и купим ее вместе!

Прежде чем Фан Цин успела отреагировать, ее вытащил Лю Хуай. Когда они были уже далеко, Фан Цин стряхнула руку своего мужа и сказала:

— Почему ты меня утащил?

Лю Хуай оглянулся и сказал:

— Посмотри, что ты только что сказала. Ты что, не знаешь своего племянника?

Фан Цин была ошеломлена на мгновение:

— О чем ты говоришь? Что я не так сказала?

Лю Хуай взглянул на свою жену и тихо сказал:

— Цзян Юань — это ребенок, который вырос у нас на глазах. Если мы скажем, что мальчик по имени Сун случайно пометил Цзинмина и тот забеременел, как ты думаешь, Цзян Юань не простит этих двоих?

— Ты имеешь в виду... эти двое... — Фан Цин не договорила, но ее лицо стало очень некрасивым: — Почему ты не сказал это сразу? Как неудобно было Цзян Юаню, когда я сказала эти слова?

Лю Хуаюй закатил глаза на Фан Цин:

— Ты дала мне возможность сказать? Ты была как шквал, я не мог тебя прервать, даже если бы захотел!

Фан Цин пробормотала:

— Моя сестра и другие тоже ничего не сказали...

— Твоя сестра и ее семья также обеспокоены лицом двух детей, как они могут сказать об этом прямо?

***

После ужина Фан Цин было слишком стыдно оставаться в доме Цзянов из-за предыдущего инцидента, и она рано ушла вместе с мужем.

Цзян Тяньцзе ничего не сказал о событиях дня, и Цзян Юаню тоже было все равно.

Вместо этого, спустя еще два дня, увидев, что скоро наступит Новый год, Цзин Ян выбежал из своего дома и стал искать его, чтобы поиграть.

В сопровождении Цзин Яна он несколько дней бродил по планете Лэйде и почти всю ее осмотрел.

В полдень.

Снег мгновенно заиграл солнечными бликами, сделав весь мир ярким и сверкающим.

Цзин Ян выдохнул горячий воздух и потер руки.

— Когда ты собираешься вернуться домой? — Цзян Юань посмотрел на Цзин Яна и спросил с улыбкой.

Хотя Цзин Ян не говорил об этом, он получил несколько сообщений от своей семьи за последние несколько дней, и каждый раз, прочитав их, он становился очень недовольным. Очевидно, что он поссорился со своей семьей.

— Я не хочу возвращаться, — сказал Цзин Ян надувшись от злости.

Он выглядел как ребенок, надувая щеки, он больше походил на недовольную золотую рыбку.

— Меня снова будут пилить, когда я вернусь.

— Пилить? — спросил Цзян Юань, передавая ему стакан воды.

— Дело в том, что они хотят, чтобы я сменил специальность! Моя семья не разрешает мне изучать производство меха, они хотят, чтобы я специализировался на исследовании феромонов, но мне это неинтересно, как я счастлив, создавая меха! Кто хочет изучать феромоны? — Цзин Ян выглядел так, будто его сейчас вырвет, когда говорил о феромонах.

Цзян Юань опустил глаза, чтобы посмотреть на своего друга, и сказал серьезным тоном:

— Исследование феромонов также является очень уважаемой работой, у твоей семьи есть в этой области связи, ты должен хорошенько подумать об этом.

Цзян Юань и Цзин Ян много разговаривали и он знал, что семья Цзин Яна продает ингибиторы и может легко помочь ему пройти проверку в Институте Проксима, поэтому он решил, что у семьи Цзин Яна должны быть связи там, поэтому он так и сказал.

— Забудь об этом, — махнул рукой Цзин Ян, — Я не хочу получать лезвия каждый день!

Цзян Юань был ошеломлен, он посмотрел на Цзин Яна и спросил:

— Лезвия?

— Их постоянно шлют какие-то экстремистски настроенные альфы. В научно-исследовательский институт присылают не только лезвия, там всякое бывает, чего я только не

видел, когда был ребенком, — равнодушно пояснил Цзин Ян.

Видя, что Цзин Ян не хочет больше говорить об этом, Цзян Юань не стал продолжать. Вместо этого Цзин Ян так разговорил Фан Ши, что та больше не могла держать язык за зубами, и даже села рассматривать старые фотографии вместе с ними.

— Это маленький Цзян Юань, ребенком, он был таким непослушным!

— Цзян Юань, ты выглядел слишком милым, когда был маленьким, не так ли? — Цзин Ян моргнул и посмотрел на Цзян Юаня.

Тот тоже держал в руке фотоальбом и пролистал в нем уже несколько страниц, когда его рука внезапно остановилась.

Помимо фотографий в этом фотоальбоме также хранилась рукописная записка.

Почерк был детским, это явно написал ребенок.

[Самокритика]

[Сегодня я пошел искать своего брата после школы и обнаружил, что он плакал. Позже я спросил других людей в их классе и узнал, что один мальчик поймал жука и бросил его на голову моего брата. Так как он уже был робким, мой брат испугался и заплакал в то время, поэтому я ударил одноклассника моего брата и его лицо распухло. Это была моя вина, и я не должен был бить этого мальчика. Я должен был поймать несколько червей и бросить их ему на голову]

[Учитель сказал, что я не должен был никого бить, но я должен сказать, что в первый день, когда мой брат приехал ко мне домой, я пообещал ему, что буду его защищать]

[Если кто-то в будущем будет задирать моего брата, я снова ударю его!!!]

Цзян Юань задержался на этой странице, опустив глаза, чтобы бросить быстрый взгляд. Почерк первоначального владельца в детстве не был красивым, его можно было назвать только приличным.

Несколько дней назад он слышал, как Фан Цин упоминала о этой самокритике, а сегодня он неожиданно увидел ее. Цзян Юань тогда только улыбнулся и не принял это близко к сердцу.

Он не ожидал, что первоначальный владелец все еще хранит эту самокритику в своем собственном фотоальбоме.

Цзин Ян, который следующим взял этот альбом, сразу же пролистал на другую страницу, перейдя к следующей фотографии, пропустив эту самокритику, чтобы продолжить общение с Фан Ши.

***

В пределах видимости бинокля.

Волна за волной жара накатывала с пляжа.

Красивый парень шел по пляжу в соломенной шляпе и с босыми, белыми как нефрит ногами, вежливо отказывая нескольким альфам, которые приставали к нему, пока он бесцельно брел вдоль береговой линии.

— Я присматриваюсь к нему уже несколько дней, как тебе?

— Очень хорошо. — Человек в черном костюме не стал ничего комментировать, а убрал бинокль и сказал равнодушно, явно удовлетворенный.

Мужчина с крашеными желтыми волосами с одной стороны потер подбородок и усмехнулся, опершись руками на перила балкона и опустив глаза на симпатичного мальчика, который ходил взад и вперед внизу.

***

Погуляв по пляжу и немного вспотев, Цюцзинмин задумался и направился к отелю, в котором он жил.

Прошло почти три дня с тех пор, как он прибыл на планету Линглу, и после того, как он наконец отправил короткое сообщение Цзян Тяньцзе, сказав ему, что не собирается возвращаться, он один за другим изменил все свои контактные номера, разорвав связи с семьей Цзян.

Он аннулировал свои прежние номера и не собирался связываться со своими бывшими друзьями и одноклассниками.

В его новом коммуникаторе было всего три номера — контактные данные Цзян Тяньцзе, Фан Ши и Цзян Юаня. Хотя он мог никогда в жизни не набрать эти три номера, он все равно хотел сохранить их.

Наличие этих трех номеров в его коммуникаторе помогло ему почувствовать, что он не одинок.

Что была семья, которая стала ему родной после смерти его биологических родителей.

<http://bllate.org/book/14640/1299669>